

ГЛАВА 1

— Полковник Гуров слушает, — произнес в трубку Лев Иванович.

— Да что вы говорите? — ответила супруга Гурова, Мария.

— Вы как с представителем закона разговариваете?

— Вежливо. Пока.

— Не заметил.

— А вы, Лев Иванович, многого не замечаете.

Гуров повернулся к своему коллеге и давнему верному другу Стасу Крячко боком. Покидать кабинет во время телефонного разговора Лев Иванович не посчитал нужным, потому что разговор с супругой не требовал соблюдения строгой секретности. А еще Мария была прекрасно знакома с самим Крячко, который, на миг подняв голову, хмуро взглянул на напарника и снова занялся своими делами.

— Ты же не опоздаешь?

— Нет, — уверенно заявил Гуров и посмотрел на свое обручальное кольцо. — А ты?

— А я буду ждать. Как всегда. Как верная жена.

— Почему «как»?

— Потому что читать монолог Катерины из пьесы «Гроза» молодым циникам я бы не рекомендовала. Слишком волнительно для них.

— Представь, что перед тобой мудрые старцы.

— Даже представлять не стану. Именно таковыми они себя и считают.

Стас снова посмотрел на Гурова. На этот раз нетерпеливо, даже раздраженно. В ответ Гуров выставил вперед указательный палец, давая понять, что ему нужна пара секунд, не больше.

— Пойду, — вздохнул он в трубку. — От Стаса тебе, как всегда, горячий и сердечный.

— Не ври, Гуров. Но и ему мой пламенный, конечно.

— Собирайся.

— Только тебя и жду.

Телефон лег под монитор. Крячко молча проследил за этим движением.

— Куда-то собрались? — небрежно поинтересовался он.

— На выпускной.

— И кто же из вас окончил школу?

— Мария. Сто лет назад.

— Чайку, что ли, дернуть? — Стас задумчиво посмотрел в окно. — Вот, понимаешь ли, вечно мучаюсь этим вопросом. Хочется чаю, но на улице жарко, как в аду. Но хочется чаю. Но жарко.

— Пей воду, — посоветовал Гуров, склоняясь над бумагами. — Говорят, полезно.

— И много ты той воды выпил?

— И не сосчитать. Протокол допроса Дьяченко у тебя?

— Нет, не видел.

— Поищи, а? Не вижу его в этой куче.

Разбираться с документами для них обоих было сущей пыткой. Привыкшие думать головой, а не копать в писанине, оба каждый раз страдали, получив поручение от своего начальника генерал-майора Петра Николаевича Орлова навести порядок «в этом вашем бардаке». Причем иначе Орлов не выражался, даже если делопроизводственная составляющая их работы находилась в полном порядке и в принципе считалась неотъемлемой и очень важной частью следственного процесса. Но нет — Орлов требовал все перепроверить еще двадцать тысяч раз, прежде чем отправить в нужные инстанции.

— Помню свой выпускной, — усмехнулся Крячко. — Мать моя, какими же мы были наивными!

— И время было другим, — подсказал ему Гуров. — Трава зеленее, хлеб вкуснее, помыслы чище, цены ниже, да?

— И девушки выглядели иначе. А разве не так, Лева?

— О! Протокол допроса Дьяченко! — радостно объявил Гуров, выхватив из пачки бумаг документ. — Думал, что посеяли. Мы тоже выглядели по-другому, если помнишь.

— Я в тот вечер хотел одному парню рожу набить, — мечтательно продолжил Крячко. — Доставал меня в последний год знатно. Прямо мечтал ему при всех зубы пересчитать, и ничего бы мне за это не было бы.

— Пересчитал?

— Пересчитал. Но не ему, а другому.

— Ужас.

— Дай, — протянул руку Стас.

Гуров послушно вложил в его пальцы протокол допроса. Стас тут же отправил его в папку.

— А в какой она школе училась? — спросил он. — Не в какой-то там специально-театральной?

— Обычная школа, кажется, — пожал плечами Гуров. — Я не уточнял. Но — ста-

рая. Ей лет сто, кажется. Не самой школе, а зданию. Школа номер двадцать три, в самом центре Москвы, рядом с Садовым кольцом. Маша говорит, что в этом году она закрывается, а здание снесут. Теперь вместо нее будет то ли лицей, то ли гимназия... не помню. Этот выпускной станет последним в ее стенах. По такому случаю приглашены почетные гости. Ну а жена, сам понимаешь...

— Мария у нас звезда, — кивнул Крячко.

— Ну вот и я о том же. К шести должен быть дома, иначе у меня будут проблемы.

— Будешь.

Через минуту Крячко отправился к секретарю Орлова клянчить сахар, потому что в шкафу его не оказалось, а чай без сахара он не пил принципиально. Гуров же с головой ушел в документацию.

Генерал-майор Орлов вернул их к жизни где-то через час. Время к тому моменту перевалило за полдень, и солнце палило вовсю. Не спасал и кондиционер, который рабочие повесили таким образом, чтобы он дул непременно кому-то в спину, и не важно, в каком углу сидели в этот момент Гуров или Крячко. Поэтому на помощь уже который год приходил старенький, но очень мужественный напольный вентилятор, который, вращая своей круглой плоской «баш-

кой», как выражался Стас, равномерно обдувал обитателей кабинета.

Орлов зашел в кабинет и тут же, стоя на пороге, отвлекся, заметив кого-то в коридоре. Дверь при этом осталась приоткрытой, и по кабинету из-за распахнутого настержь окна прошелся сквозняк. Все документы, лежавшие на столе, тут же встали дыбом.

— Закрывай, Петр Николаевич, — взмолился Гуров.

— А? — повернулся к нему Орлов. — Кого?

— Да никого. Дверь, говорю, прикрой, а то сейчас все бумаги улетят, — нетерпеливо повторил Гуров и посмотрел на заваленный бумагами стол.

Орлов поспешно шагнул в кабинет. Дверь закрылась. Бумаги, потанцевав, улеглись на место.

— Работаете, — констатировал генерал-майор.

— Как и было велено, — отчитался Крячко.

— Гуров, а ты что же, с понедельника в отпуск уходишь?

— Хотелось бы, — ответил Лев Иванович и, начиная догадываться, недоверчиво покосился на начальника. — Ну нет, Петр Николаевич. Только не говори, что ты без меня жить не можешь.

— Живи, — разрешил Орлов. — Я на Крячко отыграюсь. Слушай, Стас, надо бы помочь. Василевского взяли, а он у тебя где-то маячил год назад. Подними дело, а то там следаки ждут.

Гуров не торопился возвращаться к работе. Убийца и насильник Василевский, которого в последний раз видели в Челябинске три года назад, на днях был замечен в Москве, в компании, по-видимому, своей будущей жертвы. По старой традиции он знакомился с женщиной, втирался в доверие, становился практически мужем, но перед самой свадьбой внезапно исчезал, оставляя за собой искалеченный труп и банковские счета, по которым гулял ветер. Выйти на Василевского было крайне сложно, так как был он ловчее змеи и предугадывал каждый шаг полиции как минимум за несколько дней. Симпатичный широкоплечий мужик обладал мощной харизмой и отличным чувством юмора, а также умел обаять любого, будь то проводник поезда или охранник в торговом центре — что уж говорить о его жертвах, которых он очаровывал на раз и два?

Схватили, значит. Услышав эту новость, Гуров вспомнил, как сильно хотел пообщаться с преступником, покидая его последнее место преступления. Небольшая квар-

тира в Митино после его ухода напоминала кадры из фильма ужасов. Жаль было его невесту, которой накануне исполнилось двадцать семь лет. Наверняка девушка строила планы на будущее и благодарила Бога за то, что встретила такого надежного парня. Надежным Василевского называли все, кто был с ним когда-либо лично знаком. На него действительно можно было положиться. Умел и гвоздь забить, и решить вопрос с несговорчивыми соседями. А ведь зачастую только это и нужно женщине. Ну и любовь, конечно. В комплекте чтобы.

— Может, захочешь с ним поговорить, Лева? — Орлов посмотрел на Гурова.

— Да нет, — тряхнул головой тот. — Пусть Стас им занимается. А я все. Я в отпуске. Никто не против?

Крячко мотнул головой. Орлов, словно ставя точку в разговоре, кашлянул и вышел из кабинета.

Гуров, купив по дороге букет цветов, отправился домой. Поднимаясь на лифте на свой этаж, он подумал о том, что события так часто меняются, что не успеваешь перепрограммировать мозги. Только что он допрашивал серийного убийцу, через пять минут одарит цветами любимую женщи-

ну, а еще через некоторое время окажется в школе.

Разумеется, он отправился вместе со Стасом в следственный изолятор, чтобы посмотреть в глаза Василевскому и задать ему несколько вопросов. Ну что же, он их задал. И даже получил ответы. И, лишь только убедившись в том, что преступник находится в надежных руках, решил, что рабочий день на сегодня окончен. Он взглянул на часы и понял, что опаздывает.

Маша встретила его не на пороге — с кухни доносился кофейный аромат с примесью ноток терпких духов Маши. Чтобы предотвратить бурю женского гнева за опоздание, он сразу же пошел на кухню. Маша стояла возле плиты, спиной к двери и на шаги мужа не обернулась.

«С Богом», — подумал Гуров и поднес букет к ее правому уху.

— Стас звонил, — будничным тоном произнесла она, повернулась и попала лицом в ароматные розы. — Спасибо.

— А зачем он звонил? — поинтересовался Гуров.

— Просил тебя заскочить в понедельник на работу. Ты ключи от сейфа забыл оставить.

Она наконец-то повернулась к нему. Сияющая, вся какая-то «заграничная», будто

бы сошедшая с экрана фильмов девяностых, но не в смысле некоей старомодности, а в том, что она спустя годы до сих пор казалась ему недостижимой. Неземной. Прекрасной. Господи, какая пошлость.

— Мог бы сам мне сообщить.

— Сказал, что ты не возьмешь трубку.

— Это там кофе, да? — вытянул шею

Гуров.

— Ши на дорожку сварила, — с сарказмом ответила Маша, забирая у мужа цветы. — Красивые. Но долго не простоят.

— Я быстренько в душ, а потом поедем.

Школа, посетить которую их пригласили, находилась недалеко от дома, но в силу того, что самый короткий путь, ведущий к точке назначения, был перекрыт традиционно проводимыми летом дорожно-ремонтными работами, то до места пришлось добираться на такси. Ехали полукружьями, и Гуров, наверное, впервые по-настоящему удивился тому, насколько сильно изменилась за последние годы Москва. Украшенная новостроем, теперь она казалась ему чужим городом, невзирая на то что старинные постройки все еще стояли на своих местах. Их не сносили, но за крепкими дубовыми

■ дверьми уже обитали не жильцы, а рабо-

тали сотрудники обычных государственных поликлиник или частных фирм по установке и ремонту кондиционеров.

Явиться нужно было к девяти часам вечера. Во время поездки Маша, выбравшая для визита длинное черное платье, нервно теребила ремешок кроваво-красной сумочки. Ночь обещала быть жаркой, но Гуров все же надел костюм — уж слишком не к месту было бы явиться на школьный праздник в джинсах и футболке.

— Не могу поверить, Лева, что когда-то я добиралась до школы на метро, — произнесла Маша, взглянув на мужа. — Всегда торопилась, всегда выходила из дома пораньше и всегда опаздывала.

— И тебя всегда за это ругали, — вспомнил Гуров.

— И каждый раз я сильно расстраивалась. Теперь живу с комплексом. Если задерживаюсь, то начинаю паниковать.

Это было сущей правдой. Актриса Мария Строева была не просто пунктуальной, а жесткой во всем, что касалось всевозможных графиков и договоренностей. Потому-то Гуров и шел этим вечером домой, молясь о том, чтобы жена не уколошила его за опоздание. И очень удивился, когда понял, что ругать его не будут.

— Ты когда там выступаешь? — вспомнил Гуров.

— Сразу после торжественной части, — сказала Маша. — Не понимаю, зачем и кому это нужно. Но — попросили. Нынешний директор. Я его почти не помню. Когда я окончила школу, он только пришел в школу на должность то ли завуча, то ли учителя. Не помню, кого именно. Немирович его фамилия.

— И много там будет таких, как мы?

— Полагаю, да. Немирович сказал, что в этом году школа отмечала юбилей. Ее, оказывается, построили восемьдесят лет назад. Сказал, что отметили скромно. Если бы знали, что школа существует последний год, то устроили бы настоящий съезд знаменитостей. Но о том, что саму школу переформируют в гимназию, а здание снесут, стало известно только этой весной. Потому-то и выпускной вечер решено провести именно в здании школы, а не в ресторане. Отдать честь, так сказать...

— Печальная история, — заметил Гуров и тронул водителя за плечо. — Остановите возле остановки, пожалуйста.

Маша удивленно посмотрела в окно.

— Лева, нам рано выходить.

— Дойдем пешком.

Места эти были Гурову уже хорошо знакомы. Он вспомнил, где находится школа, добраться до нее было удобнее именно своим ходом, а не на машине.

— Ну ладно, — согласилась Маша.

Такси плавно свернуло в сторону автобусной остановки и, проехав вперед несколько метров, мягко притормозило возле тротуара. Маша, не дожидаясь мужа, первой вышла из машины.

— Хотел галантно открыть тебе дверь, подать руку, — не выдержал Гуров. — Все испортила.

— Когда я в школу ходила, то руки мне никто не подавал, а тяжелые двери сама отворяла, — ответила Маша, беря супруга под руку. — Ты прав. Лучше пешком.

Они перешли по подземному переходу на другую сторону Садового кольца, повернули налево и оказались в узком переулке. С обеих сторон над ними нависали фасады «сталинок» с лепниной под оконными проемами. Стемнело, и в некоторых окнах уже включили свет.

— По прямой. Школа как раз за этими домами. Семь минут, если бегом, — улыбнулась Маша. — А если идти спокойно, то я даже не знаю сколько. Постоянно неслась куда-то как угорелая.

По переулку в сторону школы медленно проехал серебристый «Понтиак». Гуров пристально посмотрел ему вслед.

— Что-то мне подсказывает, что это тоже выпускник. Бывший.

Следом за «Мерседесом» покатился «БМВ». За ним, как по заказу, проехал точно такой же автомобиль.

— А мы с тобой в чьем-то понятии нищebroды, — рассмеялась Маша. — Пешком добираемся.

— Ноги в кровь стерли. Слава богу, по нам не видно, что мы тоже приглашенные, — возразил Гуров.

— Правда? — Маша кивком указала вниз, на подол своего платья, который все время придерживала повыше, чтобы он не касался земли. — Благодарю бога, Гуров, что я надела удобные туфли, иначе бы ни за что из такси не вышла.

Дорога шла в горку. Угол подъема был небольшим, но этого хватало, чтобы увидеть впереди четырехэтажное здание, отделанное красным кирпичом. Наверняка оно и было тем самым местом, где Гурову предстояло провести ночь. Здание было типовым, такие в Москве еще остались, но в небольшом количестве, остальные были снесены из-за ветхости и за ненадобностью. На их

местах выросли суперсовременные учебные комплексы, где дети чувствовали себя более комфортно.

Гуров рассмотрел высоченную ограду, состоявшую из тонких стальных прутьев. Кованые ворота в ней были распахнуты, и именно через них въезжали на территорию школы автомобили. Подойдя ближе, Лев Иванович насчитал шесть иномарок, припаркованных вплотную к стене.

Занавески в школе отсутствовали, их не было ни в одном окне, что позволяло без труда наблюдать за тем, что происходило внутри.

— На первом этаже столовая и спортивный зал. На втором — кабинеты, учительская, а вот на третьем, кроме кабинетов, еще и актовый зал, и библиотека. А на четвертом располагалась начальная школа. Там учились малыши с первого по третий класс. Ох, Гуров, как же я, оказывается, все это хорошо помню.

Они подошли к главному входу, к которому вела неширокая лестница в пять ступеней. Маша, подобрав подол платья повыше, ступила на самую нижнюю из них, и Гуров, придерживая жену под руку, внимательно смотрел не только себе под ноги, но и под ноги жены. Мало ли что...

Стоило им оказаться внутри здания, как к ним тут же подошел невысокий мужчина с раскинутыми руками. На вид ему было больше пятидесяти, выглядел он полноватым, но, вероятно, желание казаться молодым и спортивным заставило его облачиться в светло-серый костюм, который ни черта ему не шел.

— Добро пожаловать, дорогие мои! — пропел мужчина, смыкая руки на пальцах Маши. — Мария Строева, выпуск, если не ошибаюсь...

— Не будем про год выпуска, — рассмеялась Маша. — Мария Строева. Да, вы не ошиблись.

Мужчина с любопытством взглянул на Гурова.

— А я муж, — представился Лев Иванович, протягивая руку. — Строев моя фамилия.

Маша слегка толкнула супруга плечом. Мужчина в светло-сером костюме пожал Гурову руку и отступил на шаг назад.

— Немирович Вячеслав Иванович, — объявил он. — Директор школы.

— Это вы мне звонили! — воскликнула Маша. — Как мило.

— Каждого приглашал лично, — подтвердил Немирович. — Только так. Не рас-

сылкой же по электронной почте людей заманивать.

— Действительно.

Гуров, услышав шум подъезжающей машины, взглянул в окно и заметил паркующийся недалеко от въездных ворот полицейский «Форд».

— Охрана прибыла, — заметив интерес Гурова, пояснил Немирович. — Теперь только так — с полицией, по всем правилам. Вы позволите?

Он вышел на улицу. Гуров саркастически сказал:

— Какой душка.

— Перестань, пожалуйста, — одернула мужа Маша. — И куда нам теперь идти? Ладно, сама решу, если уж нам ничего не объяснили.

Она смело пошла вперед. Слева показалась лестница, ведущая на второй этаж. На самом верху она раздваивалась, а в самом центре лестничной площадки стояла женщина, которая, несомненно, тоже работала в этой школе, потому что именно так выглядели учителя в юные годы самого сыщика. Широкая шерстяная юбка, вишневая водолазка и непременно бусы. Вот хоть убей, но — бусы! Круглые такие бомбошки, чтобы «под янтарь». А еще растрепанная прическа,

сооруженная в начале дня, но не дожившая до его финала.

— Тамара Георгиевна! — обрадовалась Маша и пошла вверх по лестнице. — Тамара Георгиевна, боже мой!

Гуров не торопился следом, смысла в этом не было. Маша встретила кого-то из своих учителей. Значит, сейчас минут пять будут объятия, хватания за руки, ощупывания и вопросы, ответы на которые забудутся через секунду.

— Учительница русского языка и литературы, Лева! — продолжала радоваться Маша. — Тамара Георгиевна была первым человеком, который сказал, что когда я читаю вслух, то она мне верит. По Станиславскому.

— Маша, Машенька, — чуть не плакала, расчувствовавшись, учительница. — А я сразу узнала тебя. Совершенно такая же. Абсолютно! Только под руку с мужчиной! И взгляд такой... осмысленный.

— Это мой муж, Лев Иванович, — представила Гурова жена. — Да, вы правы, Тамара Георгиевна. Уже сколько лет я держу его под руку.

— И не сосчитать, — тактично кашлянул Гуров.

— Я так рада вас видеть. — Учительница неловкими движениями принялась

заталкивать обратно в прическу выбившиеся пряди. — Простите за мой вид, я тут с утра, а еще выпускной.

— Вы совершенно не изменились, — уверила ее Маша. — О, ну не надо.

Тамара Георгиевна, шмыгнув острым носом, приложила пальцы к глазам. Маша поймала взгляд Гурова и подала знак уйти. С огромным облегчением Гуров послушался ее и, выдавив из себя вежливое «Еще увидимся», немедленно поднялся на второй этаж.

Здание вовсю готовилось к сносу. Снаружи это было совершенно незаметно, но изнутри все выглядело грустно. Под потолком торчали оборванные провода, а сам потолок покрывали серо-желтые пятна многочисленных протечек. Напольные плинтусы уже были сняты, вдоль стен были небрежно сложены старые немодные школьные парты и стулья.

— Здание доживает последние дни, — раздался за спиной Гурова чей-то голос, а в следующее мгновение его обладатель оказался рядом. — Финита ля комедиа. Других слов просто нет.

Подошедший приходился Гурову ровесником или что-то около того, но ростом был выше на целую голову и легче килограммов

на десять. Высокий и худощавый, одетый не празднично, а в старые джинсы и выцветшую серую футболку. Но самым удивительным оказалось то, что на плечи он набросил свитер, который при нынешней жаре выглядел совсем неуместно. На родителя он не тянул. Но к школе имел отношение, и, скорее всего, прямое, потому что выглядел — Гуров потом не раз вспоминал это ощущение, — на своем месте — точнее нельзя было и выразиться.

— Вы — отец? — повернул голову в сторону Гурова незнакомец.

— Нет.

— Выпить хотите?

— Вы же шутите?

Лев Иванович растерялся. Мало того что он всего ничего провел в этом месте, но сколько событий! Дюже радостный мужик в нелепом костюме, напоминающая пыльную мумию учительница русского и литературы, а теперь еще и алкаш, который выполз невесть откуда. В том, что у человека, предложившего ему выпить, были крепкие отношения с алкоголем, Гуров заметил сразу по характерному запаху изо рта и красноватым белкам небольших серых глаз.

— Гуров, — протянул руку Лев Иванович.

— Шлицман, — тут же подал свою ладонь мужчина. — Учитель истории. Крае-

вед. Любитель прошлого. Консерватор в каком-то смысле. Все современное принимаю с трудом, так как вынужден.

— Полковник. Уголовный розыск, — представился Гуров. — Вы не похожи на учителя.

— Да неужели? — восхитился историк.

— Уже отмечаете? — Гуров выразительно провел пальцем по горлу.

— Еще и не начинал, — холодно улыбнулся Шлицман. — Но стоило бы.

— Будете скучать? — спросил Лев Иванович, решив, что понимает, в каком состоянии находится новый знакомый.

— Вот по этому? — Шлицман крутанул шейю, отчего его голова описала полукруг. — А по чему здесь скучать-то? Вы видите здесь что-то такое, без чего будет сложно прожить?

Гуров не знал, что ответить. Появление Маши спасло бы его от разговора, которого он совсем не желал. Что он мог знать про школу? Только то, о чем поведала жена. Старое здание, скоро снесут. Все.

— И вы из тех, кому, конечно же, не наплевать, да? — ехидно прищурился Шлицман. — Понимаю. Нет, правда. Умирает не эпоха, как это принято говорить. Умираем мы. Вот прямо здесь и сейчас.

«Интересно, его кто-то уже видел в таком состоянии? — мелькнула в голове Гурова

мысль. — Или мне стоит сообщить о нем директору?»

Задав себе эти вопросы, Гуров поморщился. Он тут гость. Не его дело. Но предупредить кое-кого все-таки стоило бы.

— Прощу меня простить, — улыбнулся он и развернулся, чтобы уйти, но новый знакомый быстрым движением руки коснулся его плеча. Гуров обернулся.

— Не бойтесь, — произнес Шлицман. — То, что вы увидели, никого не удивит. Я, так сказать, начал панихиду раньше других.

— Уверены, что проблем не будет?

— Даю слово, — поднял руку учитель и прислушался.

Гуров сделал то же самое. Негромкий голос Маши заставил его вопросительно взглянуть на историка.

— Заместитель директора, — констатировал Шлицман. — Хорошая женщина. Прекрасный педагог, но как психолог просто никакая.

— Она еще и психолог?

— Каждый из нас психолог. Каждый считает себя специалистом по чужим ощущениям и уверен, что смог бы приручить любого внутреннего демона. А своих демонов считает самыми страшными. Так что, не решились?

Шлицман завел руку за спину и показал Гурову четвертушку коньяка «Старый Кенигсберг».

— Прекрасно влезает в задний карман, — усмехнулся он. — Хотя, если честно, прятаться мне не от кого. На этом этаже только я. А само торжество будет проходить на третьем. Это выше.

— Я так и понял, — ответил Гуров.

Шлицман отвинтил с бутылки крышку и, запрокинув голову, отпил. Коньяк булькнул, а Шлицман, пожевав мокрыми губами, вернул пробку на место и снова спрятал бутылочку в задний карман своих потрепанных джинсов.

Удивительный момент — Гурову понравился этот человек. Чувствовалось, что он далеко не глуп, совершенно не агрессивен, как это часто бывает с теми, кто был застукан на месте преступления, но главное, что Шлицман не гнул пальцы. Он принял Гурова за своего, опять же, не по причине того, что искал собутельника, а исходя из умения остаться вежливым в сложной для него ситуации. «Воспитанный, — отметил Лев Иванович. — Жаль, если заметут. А ведь так и будет. Он уже нетрезв, а впереди еще долгая ночь в компании других».

На лестнице послышались шаги. Маша с учительницей поднимались по ней и вско-

ре зашли на второй этаж. Тамара Георгиевна, увидев учителя истории, резко остановилась и с осуждением качнула лохматой головой.

— Олег Алексеевич? — понизив голос, угрожающе произнесла она.

— Тамара Георгиевна? — широко улыбнулся в ответ Шлицман.

— Вы уже закончили тут?

— Еще нет.

— Ну так давайте же.

— Непременно.

— А что еще осталось?

— Карты и атласы. Кинопроектор, бобины с пленками. Диафильмы, которые мне приказали выбросить, но я отказался это делать. Портреты, книги.

— Помощь не нужна?

— Упаси боже. Все сам сделаю.

— Делайте, Олег Алексеевич, — заключила заместитель директора. — Я попозже зайду.

Гуров понял: то, что он посчитал за чужой секрет, давно таковым не являлось. Зря Шлицман назвал замдиректора плохим психологом. Плохой психолог сейчас бы поспешно увел гостей подальше от поддатого коллеги, отвлек бы от него внимание любым способом, что выглядело бы хоть и объяснимо, но вызвало бы у посторонних ненужный

интерес, но заместитель директора встретила опасность с открытым забралом. Она задала коллеге абсолютно будничные вопросы, тем самым показывая, что ситуация не требует проявления повышенного внимания, потому не все в курсе, что здесь происходит. Иными словами, не происходит ничего из ряда вон выходящего.

Шлицман скользнул взглядом по лицу Маши и пошел к повороту за угол — туда, где, по-видимому, располагался коридор. Сворачивая, он обернулся, снова посмотрел на Машу и остановился.

— Не помню вас, — с вызовом сказал он. — Как ваша фамилия?

— Она вам ничего не скажет, — тут же нашлась Маша. — Я выпустилась раньше, а вы пришли сюда работать уже потом. Я вас тоже не помню.

— Олег Алексеевич сменил Инну Яковлевну, — заместитель директора тут же взяла нить разговора в свои руки. — Маша, ты должна ее помнить.

— Конечно, — улыбнулась Маша. — Это ее вечное: «Как можно не знать, когда родился кардинал Ришелье?!» Она просто бредила Францией.

— Он родился девятого сентября одна тысяча пятьсот семьдесят пятого года, — все

так же стоя вдалеке, произнес Шлицман. — Интересные дела: он правил в следующем веке, уже в семнадцатом. Начал в двадцать четвертом году, а закончил в сорок втором.

После этих слов он скрылся из вида. Маша вытаращилась на историка. Гуров тоже молча внимал происходящему. И только замдиректора быстрее всех пришла в себя. Она подхватила Машу под руку и потянула ее в сторону лестницы.

— Актовый зал этажом выше, это не здесь, а здесь все уже разобрано, вы же сами видите, мы просто не успели убрать, столько дел, но директор решил, что это не имеет значения, тут ведь все свои будут...

Она старалась заговорить их и увести туда, где все пристойно и в лучших традициях. Гуров посмотрел на то место, где только что стоял учитель истории, и последовал вслед за супругой.

Интересное начало. Живое и многообещающее.

ГЛАВА 2

Заместитель директора вскоре оставила Гурова и Машу вдвоем. Ей кто-то позвонил, и она умчалась по своим делам, извинившись и пообещав увидеться в скором будущем.

Маша, оставшись с мужем наедине, заметно оживилась. Она схватила его за руку и потащила к первой попавшейся открытой двери.

— Здесь нам преподавали алгебру и геометрию. А дальше будет непонятная комната. Помню, что в ней то ли совет дружины собирался, то ли в комсомол принимали. У нас был старший пионервожатый, Костя его звали. Всегда ходил с таким лицом, словно под стенами Мавзолея стоял. Я была классе в пятом, когда он приходил к нам в класс и втирал всякое такое про пионерию, Ленина, революцию и остальное. Мы его боялись, он как будто бы неземным был. Ну знаешь, каким-то как не от мира сего. Не в том смысле, что странным, а в том, что возвышался над нами во всех смыслах. Не поверишь, но даже у учителей, когда они с ним разговаривали, менялось выражение лица.

Гуров помнил то время. Он был старше жены на несколько лет, но разница в возрасте позволяла им иметь общие воспоминания. Особенно школьные.

— И у нас был такой человек в школе, — вспомнил Лев Иванович. — Только эту должность занимала девушка, которая уже окончила школу. Светлана. Надо же, как сейчас помню.

Они медленно шли по коридору, попутно заглядывая в каждое помещение. Здесь, на третьем этаже, все пока что было цело и не разобрано. В кабинетах стояла мебель, на полу не валялись обрезки проводов. В самом конце коридора виднелись распахнутые двери, откуда доносился гул голосов. Гуров понял, что это и есть актовый зал, где уже вовсю готовятся к проведению выпускного. Маша тут же подтвердила его догадки.

— Нам туда, — произнесла она и подхватила мужа под руку.

— Может, домой? — взмолился Гуров. — Скажем потом, что не нашли актовый зал и ушли.

— Я обещала, — извиняющимся тоном произнесла Маша. — Осталось потерпеть совсем недолго. А потом, когда вся эта лабуда с торжественной частью закончится, можно будет расслабиться. Да брось, Лева, все будет нормально.

Они зашли через широкий проход в актовый зал, который оказался большим. В его пространство вписали сцену, довольно широкую, украшенную воздушными шарами и плакатами с блестящими надписями: «Спасибо всем, кто нас учил!», «Наши учителя — лучшие!», «Не забудем нашу школу!».

Похожие лозунги можно было обнаружить на каждой стене.

Выпускников и гостей более старшего возраста к этому часу набралось прилично. Актный зал был уставлен стульями, многие места были заняты. Недавние школьники выделялись яркими и смелыми нарядами и вели себя довольно раскованно, а вот взрослые стеснялись. Гуров и сам, оказавшись посреди чужого праздника жизни, почувствовал себя неловко, тем более что Маша, едва войдя в зал, практически сразу же потянула его в дальний угол, где под окнами сидела компания женщин и мужчин.

— Это мои, Лева. Мои! — бросила Маша Гурову. — Ой, господи. Мои же!

Гуров был вынужден отпустить руку жены, и она тут же о нем забыла. Придерживая подол платья одной рукой, другой она уже вовсю махала бывшим одноклассникам, которые ее сразу же узнали. Маша обняла каждого, затем представила Гурова как любимого супруга, а потом снова о нем забыла. Странно, но Машу встретили не как звездную персону, а, наоборот, приземлили, и ей это определенно нравилось. Она и сама, как было известно Гурову, была рада тому, что у нее никто не просит автограф и не одаривает елейными улыбками, а запросто назы-

вает Машкой и отпускает шутки по поводу ее известности.

— Видел тебя в сериальчике, — довольно ухмыляясь, заметил один из тех, кто учился с актрисой Строевой в одном классе. — Ты там в желтом купальнике на катере пересекала.

— Вот только начни, Миронов. Только начни, — пригрозила ему Маша.

— Ну а что? — делано удивился тот.

— Я весь класс, конечно, не ждала, но почему-то думала, что нас будет больше, — перевела тему разговора Маша. — Миронов, чего сидишь? Мое место занял.

— Прости, — рассмеялся тот и уступил Маше место.

Знакомясь, Гуров пожимал многочисленное количество рук и вскоре уже запутался в именах и фамилиях. Он присел на подоконник и еще раз осмотрелся, теперь уже более внимательно.

Вдоль задней стены тянулись столы, выстроенные в длинный «шведский стол». Подле них сновали взволнованные женщины, видимо, из родительского комитета. Они то и дело поправляли и без того идеально уложенные на тарелках фрукты и без конца пересчитывали пирамидки из пластиковых стаканчиков.

— Из ресторана все привезут часам к десяти, — услышал Гуров сообщение одной из женщин. — Спиртное тогда же принесем из кабинета директора. А для детей я еще пиццу заказала...

«Пиццу я бы съел, — подумал Лев Иванович. — Но не дадут ведь, ибо вырос давным-давно».

— Лева! — позвала мужа Маша.

— Да? — очнулся Гуров.

Она протягивала ему свой мобильный телефон. Удивленный Гуров взял его и поспешил в коридор, чтобы можно было хоть что-то расслышать.

Звонил Стас, решивший напомнить ему про ключи от сейфа.

— Ты чего Машке-то названиваешь? — насторожился Гуров. — Почему не мне?

— Потому что ты был недоступен.

— Ты уже напомнил про ключи.

— Ну вот решил повторить.

Гуров хорошо знал коллегу — дело было не в ключах. Присутствовало что-то еще.

— Как там с Василевским дела? — спросил он.

— Умер.

— Как это так? — опешил Лев Иванович.

— Не знаешь, как умирают?

— Подожди, не понял, — тряхнул головой Гуров. — Он же был в изоляторе.

— Вот там и умер. Сердце. На герыче сидел. Плюс переволновался бедняжка.

— Странно.

— Не странно. Никто ему в этом не помогал. Остановка сердца. Без вариантов.

— Ну он хоть признание сделать успел?

— Это да, — оживился Стас. — Облегчил душу. Начал еще до моего появления, я там даже был не нужен. Он все выложить успел.

— И все равно странно.

— Отдыхай, Лев Иваныч, — посоветовал Крячко. — Дело закрыто. А про ключи все-таки не забудь. Или, если хочешь, я сам к тебе за ними заеду.

Гуров сунул руку в карман и нащупал связку ключей, с которой забыл снять ключ.

— Не надо. Привезу, — ответил он. — С утра в понедельник приеду и привезу сам.

— Ну все тогда. Я просто хотел тебя известить о Василевском.

— Понял.

Гуров достал из кармана телефон и набрал номер телефона Маши. Мобильник жены тут же отозвался знакомой тихой мелодией.

— Есть же связь, — пробормотал Лев Иванович.

Внезапно он ощутил прикосновение к своему плечу. Обернулся и увидел стоявшего рядом директора школы Немировича. Его лицо было озарено довольной улыбкой.

— Решил узнать, все ли в порядке, — еще шире улыбнулся он.

— Все в порядке, — подтвердил Гуров, засовывая оба телефона в карман. — Хотя... а что здесь с мобильной связью?

Директор непонимающе посмотрел на Гурова, но через секунду сообразил, о чем идет речь.

— Плохая связь? Вы про это? — уточнил он.

— Просто сейчас мне звонили с работы, но связи не было. А вот на телефон жены сигнал поступил.

— Со связью сейчас проблема, — согласился директор. — Вы же видите — здание старое, скоро снос, что-то уже отключили, а налаживать нет смысла. Но на улице интернет ловит прекрасно, там сигнал отличный.

— Да нет, мне не нужен интернет, — покачал головой Гуров. — Но я вас понял. Если что, то выйду на улицу.

— Сегодня утром отключили систему видеонаблюдения, — вздохнул директор. — Да она уже и не нужна, если честно. Этот вечер будет последним, когда в школе соберется

народ. А потом останусь только я, некоторые педагоги и рабочие. Мы будем заканчивать все оставшиеся дела. Вот ваша жена помнит, какой красивой была эта школа раньше. Должна помнить. Тут была своя атмосфера. Особенная такая, которая встречается только в старых зданиях Москвы. А вы родом из Москвы?

— Да, я здесь родился.

— Ага. И я.

Разговор сначала был ни о чем, но Немирович неожиданно увлекся. Очевидно, найдя свободные уши, он принялся рассказывать Гурову о пожаре в семидесятых годах прошлого века, про осиное гнездо на чердаке и про редкий сорт яблонь в школьном дворе. Постепенно добравшись в повествовании до наших дней, директор похвастался тем, что старшие классы неоднократно выезжали во время каникул за границу.

— Были в Испании, в Финляндии, несколько раз посетили Эстонию. Все это своими силами. За последний год много раз выезжали просто покататься по Москве. Даже ученики из других школ записывались на экскурсии. Многие дети, как их родители, совершенно не знают родной город, представляете? Нам всем было полезно и очень интересно покататься по Москве.

— Это просто замечательно...

— У нас прекрасный спонсор, — дошел до главного Немирович. — Папа одной из девочек, замечательный человек.

— Полагаю, тоже когда-то здесь учился? — намекнул Гуров.

— Вообще нет. Но ради дочери он на многое готов. Занимает высокий пост, имеет связи, возможности. Вы же понимаете, о чем я?

— Конечно, — согласился Гуров. — Куда же без связей?

— А вот напрасно иронизируете, — обиделся директор.

— Не иронизирую, — уверил его Лев Иванович. — Просто знаю, как устроена жизнь, вот и все. Вы молодец. И папаша тот.

— Его зовут Юрий Петрович Серов, — торжественно объявил Немирович и многозначительно замолчал, ожидая реакции.

Гурову фамилия ни о чем не сказала. Директор решил просветить.

— Глава управы нашего района, — подсказал он.

— А я даже и не знал, — смутился сыщик. — Но, послушайте, да вашей школе просто повезло.

— Не то слово. Простите, как вас по имени и отчеству?

- Лев Иванович.
- А вы где трудитесь?
- В полиции.

Немирович с уважением покачал головой. Общаться с директором Гурову не нравилось. Во время разговора он чувствовал себя настолько некомфортно, что уже старался выдумать причину, позволившую бы срочно прервать диалог. Но Маша, показавшаяся в дверях актового зала, разрешила проблему.

— Вячеслав Иванович! — подошла она к директору, поняв, что мужу в тягость общаться с ним. — Спасибо вам.

— Да за что же? — удивился тот. — Мы еще и не начали мероприятие. Наоборот, прошу прощения за задержку. С фотографом проблемы.

— Просто я так давно не видела одноклассников, — призналась Маша. — И мы все не общались сотню лет. Если бы вы не пригласили нас, то мы бы и не испытали такие эмоции. Некоторые даже расплакались, — продолжала восхищаться Маша. — А что с фотографом?

— Слетел в последнюю минуту, — мигом посуровел Немирович. — Позвонил буквально полчаса назад и сказал, что не сможет быть на выпускном. Я, собственно, искал

тут кое-кого, чтобы попросить... О, а вот и вы!

Гуров и Маша обернулись. Со стороны лестницы по коридору быстрым шагом шел мужчина с компактной видеокамерой в руках. Его лицо было красным, выглядел он взволнованным, а заметив, что на него обратили внимание, потерял бдительность и споткнулся практически на ровном месте.

— Коля, да неужели ты? — с надеждой в голосе спросил Немирович.

— Ну да, — подтвердил подошедший мужчина и провел ладонью по лбу, стирая выступивший на нем пот.

— Спаситель ты наш, — выдохнул директор и посмотрел на камеру в руках Веснина.

— Другой нет, — заявил тот. — Просто чудо, что эта оказалась заряжена. Мне сын позвонил, а я, простите, ванну принимал. Пришлось все бросать и нестись сюда — благо живем в соседнем доме.

— Ты извини, все так жестко получилось, — принялся оправдываться директор. — Мы отблагодарим.

— Да не нужно...

И Коля, взвесив на руке видеокамеру, пошел в актовый зал.

— Николай Веснин, — пояснил Немирович. — Сам когда-то учился в этой школе, ■

а в этом году и сын оканчивает. Все помогают как могут. Ну... пойду.

Гуров посмотрел ему вслед, потом покопался на Машу и кивком указал в сторону. Она подошла ближе.

— Подышим? — спросил Лев Иванович.

— Давай, — согласилась жена. — Я там спросила про начало, но какие-то гости не пришли, поэтому мероприятие начнется с задержкой.

На улице было прохладнее, чем внутри здания. Гуров снял пиджак, набросил Маше на плечи и достал сигарету.

— Телефон твой там в кармане, — предупредил он. — Стас, гляди-ка, повадился тебе названивать.

— Ну и пусть, — отозвалась супруга. — Мне не сложно ответить. А связь здесь очень плохая. Одноклассница сейчас пыталась позвонить мужу, но он оказался вне зоны действия сети. Так что пользуйся, любимый.

Гуров заметил, что полицейская машина уже переместилась ближе к въездным воротам. А вот припаркованных возле школы иномарок стало гораздо больше. Очевидно, прибывали приглашенные из числа опоздавших. Но так как Гурову и Маше не встретился по пути ни один человек, то оба

подумали, что гости решают какие-то дела с руководящим составом.

— И как тебе Немирович? — поинтересовалась Маша.

— Отбитый на всю голову конъюнктурщик, — ответил Гуров. — Говорит как по методичке читает. Ни слова о недостатках — все у него хорошо, все отлично и лучше, чем у других.

— Злишься?

— На кого? — удивился Гуров. — Пусть себе переживает дальше. Просто не люблю тех, кто акцентирует внимание больше на фасаде, чем на заднем дворе. Между тем в этой школе не роботы работают, а живые люди.

— Например, Тамара Георгиевна, — усмехнулась Маша. — Она ведь тоже из таких. Всегда старалась говорить о людях только хорошее, даже если они совершали плохие поступки. Каждому выносила оправдательный приговор. Любому хулигану. Советское воспитание. Все должно быть на уровне, а то, что не на уровне, тщательно скрывается. Слушай, а с кем ты разговаривал на втором этаже?

Гуров понял, что она спрашивала об учителе истории. Приметная личность. Мимо никак не пройти.

— Педагог этой же школы, — объяснил он.

— Да ладно, — удивилась Маша. — А я подумала, какой-то рабочий. От него же перегаром за версту несет.

— Так и есть, — согласился Гуров.

— Ладно, не наше дело, — подумав, решила Маша.

— Вот это точно.

В этот момент к воротам подъехала еще одна машина — белый внедорожник «Мерседес». Ослепив светом фар, она подкатила к главному входу, развернулась и, немного постояв, двинулась к самой ограде. Там водитель и припарковался. Вскоре он появился собственной персоной. Вышел со стороны водительского сиденья, обошел машину и открыл дверь своему пассажиру. Им оказалась невысокая худая женщина в красном платье без рукавов. Водитель помог ей выйти из автомобиля, после чего поставил машину на сигнализацию и медленно пошел к главному входу. Его спутница замешкалась, поправляя задник туфли, и отстала. Мужчина же, не дожидаясь ее, уходил все дальше.

— Юра, да не беги ты! — попросила его женщина.

Мужчина остановился, обернулся и нетерпеливо поманил женщину рукой.

— Давай, Ира, давай, давай, давай. И так уже время из-за тебя потеряли.

По тому, как люди общаются между собой, можно легко и быстро определить степень их близости. Гуров понял, что перед ним супружеская пара, а ведь поначалу решил, что на выпускной пожаловала чья-то мамаша, имеющая личного водителя. Но теперь, когда и он, и она открыли рты, все встало на свои места.

«Родители, — определил Гуров. — Волнуются. И сразу видно, кто в доме главный».

На этом его дедукция забуксовала, и он, взглянув на Машу, а потом на недокуренную сигарету в своей руке, подумал о том, что возвращаться обратно ему совершенно не хочется. На улице было лучше, а внутри школы он ощущал некоторое психологическое давление. Конечно, он останется там до конца, но если честно, то с удовольствием бы сбежал отсюда. Он здесь никого не знает. Все эти новые лица, имена ему совершенно не нужны. Разумеется, он со всеми познакомится, но ему это совершенно не нужно. Из всех, с кем ему удалось пообщаться, больше всего запомнился тот самый учитель истории. И не потому, что предложил Гурову коньяк в неподобающем для этого месте, а потому, что единственный, кто показался искренним и был на своем месте.

Мужчина, направлявшийся к главному входу, неожиданно сменил траекторию движения и направился напрямик к Гурову. Не дойдя до него пары шагов, протянул руку и сделал характерное движение пальцами. Гуров кивнул, тут же вынул из кармана пачку сигарет и зажигалку.

— Ты серьезно? — озабоченно спросила дама в красном платье. — Ты же бросил!

Ее муж казался младше ее, а как там было на самом деле, Гуров не знал. Но дама, стоявшая неподалеку, выглядела не так свежо, как показалось вначале. Все в ней было... классическим. От длины платья до фасона обуви, от безликих русых локонов на маленькой головке до отсутствия украшений. Впрочем, одно все же нашлось — на безымянном пальце правой руки виднелось обручальное кольцо.

— Иди пока, найди ребенка, а то я дочь не видел с самого утра, — попросил мужчина.

— Юра, прошу тебя... — начала женщина, но мужчина, не выдержав, махнул рукой. Отвали, мол. Не до тебя.

Женщина поднялась по ступенькам и зашла в здание.

— Пойду и я, — сказала Маша.

— Давай, — разрешил Гуров.

После того как она скрылась из глаз, ■ мужчина повернулся к Гурову:

— Ваша жена?

— Надеюсь, — усмехнулся Гуров.

— Это как же вас понимать? — удивился мужчина. — Я, кстати, Юрий.

— Лев, — протянул руку Гуров. — Жена, жена.

— Лицо знакомое, — пробормотал Юрий.

— Актриса.

— Не помню, где ее видел, — растерялся Юрий. — Но я и телевизор не смотрю. Работа, мать ее. А вы тут что? Ребенок выпускается?

— Жена здесь училась, — пояснил Гуров. — Приглашенная звезда. А я как обязательный балласт. Она со своими бывшими одноклассниками хохочет, а я мух считаю.

— А у нас с Ирккой дочка в этом году школу окончила, — погрустнел Юрий. — Так что...

— А у нас с женой детей нет, — предупредил его вопрос Гуров.

— Бывает, — заключил Юрий. — Вечер-то какой... А школу сносят, слышали?

Гуров обернулся и посмотрел вверх, на ярко освещенные окна. Из-за яркого света само здание выглядело зловеще и казалось практически черным.

— Да, уже рассказали, — ответил он. — А жаль, хоть мне и все равно. Отличный бы вышел памятник архитектуры.

— Развалюха, — небрежно стряхнув пепел, сказал Юрий. — Долго не простоит. Тут никакой ремонт не поможет. Состояние аварийное. К нам приходили активисты с просьбой сохранить хотя бы фасад, да вот только фасад тут тоже проблемный. Фундамент крепкий, это да. Зато все остальное рушится. Перекрытия деревянные, а это значит, что когда-нибудь может случиться пожар. Уже, кстати, был прецедент, но быстро разобрались и никто не пострадал. Проводку толком проложить нельзя, потому что стены хлипкие. Вы полы видели? Они же тоже деревянные. Трубы ржавые, менять смысла нет. Здесь уже ничего не поможет. Сносить надо. А потом на этом месте будет сквер с названием Школьный. Уже и проект подготовлен. Детские качели, дорожки, клумбы. Небольшой такой скверик. — Он вытянул вперед руку и, растопырив пальцы, обозначил границы будущего сквера. — Тополя видите? А дубы? Все старое, все из той эпохи. Кронируем, но рубить не будем. Сохраним все то, что можно сохранить. Вот и будет память.

— Но самой школы уже не будет, — заметил Гуров.

— Ну что ж теперь поделать? Все меняется. К сожалению или нет. Ничего, привыкнут.